18+

Александр Деревцов

ОБ «ЭТОМ» ПОСТЕСНЯЛСЯ НАПИСАТЬ ТОЛСТОЙ

Александр Деревцов

Об «этом» постеснялся написать Толстой

https://litres.ru/74761564
ISBN 9785007156455

Аннотация

Любовь женщины к «мачо» на контрасте с немолодым мужем. Ему больно осознавать, что плотское удовольствие для жены важнее морали.

Анна тонет в пьянящем соитии, разгружающем совесть от остатков стыда за грех! Всепоглощающая, безбрежная страсть! Каждое соитие отзывается так, будто срываются путы, о которых она и не подозревала…

Но преодолеет ли пылкая любовь драконьи зубы, усеявшие ее дорогу к полному счастью!?

Содержание

Предисловие 5
Пробуждение 9
«Мечта счастия» 37
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Об «этом» постеснялся написать Толстой

Александр Деревцов

© Александр Деревцов, 2026

ISBN 978-5-0071-5645-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Полтора века не утихают жаркие споры вокруг «Анны Карениной», одной из бесчисленных историй измены жены со времен Елены Троянской. Спектр определений ее чувств — от возвышенной любви до банальной похоти…

Но зачем, если сам Толстой словами своей героини не оставляет двух мнений о природе ее влечения!

«…Я не могу и не хочу быть ничем другим, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки…».

*Н*о его величие как раз в том, что, не наделив личности самих героев ничем особенным и при вполне банальном развитии их отношений, смог создать роману реноме всемирно признанного непревзойденного гимна роковой страсти! Так и вижу, как он ухмыляется: «Ломаете копья? Ну-ну…».

А… если отбросить пиетет перед именем гения? В «сухом остатке» роман в дородовый период — это увенчавшаяся успехом целеустремленная осада брутальным флигель-адъютантом «крепости» зрелой, но неискушенной красивой престижной дамы «света»! Ее неудержимый дрейф к ее сдаче абсолютно ожидаем: естественное физическое влечение на контрасте с годящимся ей в отцы мужем, малоприятным как внешне, так и некоторыми привычками…

Есть подозрение, что по замыслу линия Анны должна была оборваться ее смертью при родах. К этому шло: мосты в

семью сожжены, позор превратил ее в изгоя в обществе и главное — волшебная близость неумолимо превращается в рутину. Для нее выбор между семьей и бегством с любовником стал равно безысходен — она у разбитого корыта. Такая жизнь для той Анны, которую нам показали, лишена смысла!

И вот в «вещий» сон, пронзительное покаяние на смертном одре — а значит, осознанное и искреннее, прощение от мужа и она должна покинуть этот мир! Ее жалко: искупившая вину «тварь божья». За нее больно…

Но Толстой линию продлил, хотя признавался другу, что роман ему опостылел! Закрадывается мысль, что с меркантильной подоплекой — как «второй сезон» сериала, который как правило не так удачен. Выжившая Анна совершенно другой персонаж! Бросившая сына мать, неадекватная мегера-абьюзер, не вызывающая ни грана сочувствия…

Именно для того, чтобы продлить роман с известным финалом, Толстой для достоверности и подсадил ее на морфий. Та Анна, что была в начале, в здравом уме ради сына не то что под поезд не бросится, а и свою «интрижку» причешет под «светские» правила! Но так было бы стройно и логично, но банально, и гениальный старик (хотя писал аккурат в возрасте Каренина) завернул так, что до сих пор искрит…

При этом ему, обычно докапывающегося до нюансов чувств своих героев, нередко не мешало пренебрежение нелепостью некоторых бытовых эпизодов.

Например, как сердцеед-офицер, чьи мысли *занимало ис-*

ключительно одно желание — слиться с грезящей об этом же зрелой дамой, сподобился устроить интим лишь через год, несмотря на то, что *был везде, где только мог встречать Анну*?

А что она чувствовала и как общалась с мужем, придя домой сразу после измены и дальше в «параллельной» жизни? Но эти важнейшие полгода в романе — белое пятно!

Самый же поразительный парадокс как раз в том, что в выдающемся произведении об утонувшей в роковой страсти женщине Толстой не привел НИ ОДНОГО даже обозначения собственно соития! Ограничился лишь описанием мук совести Анны сразу «после» ее «грехопадения». Обошел молчанием краеугольный камень эпизода, на котором построен роман, его кульминацию! Какие бы «бабочки в паху» ни были, но для впускающей ДРУГОГО мужчину Анны первые мгновения самые напрягающие в измене! Это не только сравнение, но и переход в другую жизнь — вне выстроенных за долгие годы отношений.

Кроме приведенного выше признания Толстой гораздо позже об интимной стороне жизни Анны скупо «сообщил»: «*Близость его ей всегда была приятна*». И все!! Вот бы это счастье от «близости» описать и довести до читателя ее накал! Но классик был, видимо, стеснен рамками приличий своего времени…

И вот уже больше века кинематографу и почти столько же экранизациям великого романа! Ничто не мешало при-

влечь зрителя развитием отношений в любовном треугольнике именно через призму их интимной жизни. Выскажу мнение: негатив, обрушившийся на фильмы, был бы на порядок слабее, если бы зрителя проняло это неодолимое желание Анны слияния с любимым мужчиной!

Но… мэтры не рискнули и получили вал недовольства. Даже в наиболее смелом сериале Шахназарова выглядело так, будто к джентльмену среди ночи явилась знакомая ему дама с очевидной целью, а он из вежливости пошел ей навстречу…

Осадок от «второго сезона» в романе оказался настолько горек, что я захотел воспользоваться распространенным в наше время «правом» вольного обращения с оригиналом и представляю на Ваш суд свою версию перевернувшую жизнь героев периода.

Мне по душе только первый «сезон» и я написал его только про эти два года и только в формате «Каренины — Вронский», где «белые пятна» раскрыты, а герои во многом отличны от классических. Каюсь, хотел потрафить вкусу современного зрителя и набрался наглости дополнить свою версию сценами соитий Анны с обоими своими мужчинами, а не взваливать на него домысливание эротичных картин в воображении.

Пробуждение

Спальня в особняке супругов Карениных. Анна уже в постели, в пеньюаре, укрытая до груди. Вошел муж, с игривой усмешкой осведомился:

— Не против ли любимая женушка исполнить супружеский долг?

Она ответила ему в тон:

— Как можно быть против!

…Они поженились, когда ей исполнилось восемнадцать, а ему тридцать семь. Ей, конечно, импонировала его всеми признаваемая значительность, но главное — ощущала его неисчерпаемую ласку и заботу, была уверена во взаимной любви и безгранично доверяла! Поэтому у нее и мысли не возникало усомниться в предлагаемых мужем «правилах» при интиме.

А их Алексей Александрович усвоил из бесценных советов покойной любовницы, вдовы генерала — ему тогда было двадцать пять, ей на двадцать больше. Она не обижалась на его походы «налево» и, почти по-матерински желая ему добра, делилась секретами обращения с женщинами.

Двадцать два года назад

Они одеваются, продолжают начатый разговор.

— Алексей, если женишься на молодой глупышке, в сексе всякие наши с тобой раскованные прелюдии, фокусы с по-

зами и нетрадиционные забавы оставь для походов к любовницам и в известные дома. В добропорядочных семьях даже «исполняют долг» не нагими, а в спальной одежде.

— А если захочется и с ней?

— Избегай, не надо будить интерес, чревато соблазнами и почти неизбежным разладом. А адюльтер, чувствую — не по тебе……

Со временем ее наставления параллельно зарождению в нем убежденности в абсолютной справедливости ценностей христианской морали, касающихся и сексуального поведения, как ни парадоксально, способствовали расставанию с ней.

Нынче

…Дальше все было в духе этого совета и соблюдалось как ритуал: он прикрутил фитиль лампы, оставил полумрак. Сбросил в кресло халат, остался в рубашке до колен. Она стянула панталоны, он кальсоны, умудрившись не обнажать друг перед другом «срамных мест»!

Он лег рядом, поцеловал в губы, плечи, провел рукой по груди. Ощутил свою готовность и перебрался на нее. Она подобрала пеньюар. Секс у них всегда под одеялом в этой и только в этой позе…

Он чмокнул жену в лоб, перебрался на свою половину, пожелал спокойной ночи и закрыл глаза, она натянула панталоны. Перед глазами возникло его лицо во время близости: доброе и почти такое же бесстрастное, как и до нее. Мгно-

вения всплеска эмоций при апогее и… всё!

Анна давно убедила себя, что упоминаемые в книгах бурные страсти были обычными преувеличениями. Сочла их отсутствие с мужем нормой и постаралась мысли на эту тему из головы выбросить. Но иногда просачивалось беспокойство…

Она лежала с открытыми глазами и вспоминала редкие эпизоды в девичестве, связанные с сексом.

Двенадцать лет назад

Тяпа умчалась вглубь сада и она поспешила за ней. Услышала слабые стоны за кустами и раздвинула ветки. Перед глазами предстал голый зад конюха, ритмично толкающего обхватившую яблоню женщину с завернутыми до пояса юбками! На звук он повернул голову, Анна отскочила и с трепещущим сердцем убежала к террасе…

Вечером, подавая ужин, кухарка Фрося надменно на нее взглянула и криво усмехнулась. Еще наглее щерил зубы при встрече конюх — потомков обедневших хозяев не уважала даже челядь…

Второй случай она увидела через окно кухни: Фрося сидела на столе, а у нее между колен трудился приехавший брат Стива.

Нынче

Нередко Анна при близости прикрывала глаза и «видела» вместо мужа… лицо поэта Байрона с обложки сборника его стихов! Изредка Анна при соитии бывала близка к состоя-

нию, которое испытывала при подростковом баловстве. В такие моменты она замечала удовольствие на лице мужа и так как во всем стремилась радовать его, то иногда постанывала, прикрыв глаза, имитируя подсмотренное у кухарки поведение…

«Я обманываю! Но ведь это во благо, из любви к нему!?.»

***

Утро. Муж уже встал, Анна, как обычно, в постели одна. Проснулась, дернула шнур вызова. Вошла молодая служанка Аннушка, помогла одеваться: корсет, чулки…

Завтракали втроем с семилетним сыном. Обычные вопросы: все ли хорошо на службе у него, как успехи в учебе у сына, что нового слышала в «свете»…

— Кстати о свете. Княгиня Тверская пригласила в свой салон. Не будешь против? Мне, откровенно говоря, смертельно наскучило общение в среде, где самая младшая старше меня лет на десять.

— Разумеется нет, хотя слышал про него разное. Пойди, присмотрись.

Встали.

— Пройдем в кабинет, там среди писем есть тебе от твоего брата. Не припомню такого.

Каренин, собирая портфель, заметил, что она, читая, хмурилась.

— Что там, надеюсь, ничего серьезного?

— С женой нелады. Долли не намерена прощать его оче-

редной адюльтер. Стива зовет меня, надеется, что только я могу на нее повлиять. Что посоветуешь?

— Мое отношение к нарушению обещания, данного при венчании, ты знаешь. Семья святое и ради нее стоит переступить через любые обиды.

— Дам телеграмму, что приеду. Попробую помирить.

— Я возьму билет в императорский класс. Ближайшего дня ждать с неделю.

***

Граф Алексей Вронский, двадцатитрехлетний флигель-адъютант, был завсегдатаем салона двоюродной сестры Бетси, княгини Елизаветы Тверской. Салон — это зал на первом этаже и комнаты яруса на втором, место «тусовки» тогдашней «продвинутой» элиты. Бетси провожала брата.

— Алекс, опять только заглянул и уже уходишь?

— Так те же лица, Бет.

— Не скажи. Знаком с Анной, женой знаменитого Каренина? Она стала захаживать, пригляделся бы.…

Она показала взглядом на одну из дам. Он оглянулся.

— Красивая… слышал про нее: зануда и недотрога, время жалко тратить.

Бетси усмехнулась.

— Тем интереснее. Кстати, муж старше нее лет на двадцать… Ладно, иди.

Он еще раз оглянулся, на миг «увидел» Каренину на коленях перед своей ширинкой. У всех полковых ловеласов эта

поза приходила в голову при первом же взгляде на пригодную для секса женщину.

Он презрительно скривил губы и вышел.

Анна уже пару раз салон посещала. Ей было двадцать шесть и импонировало, что возраст большинства дам был не старше сорока. Здесь царила атмосфера свободы от условностей при обсуждении любых тем. Все было внове: человек разносил на подносе бокалы с шампанским, почти все дамы с пахитосками, даже общались на английском, а не французском. Одна кивнула в сторону зала:

— Почти все достойные кавалеры салон покинули.

Самая старшая пыхнула дымом и хохотнула:

— Значит, не нашли среди нас ни интересных, ни свободных!

— Хотя виконт Таврин тут. Но с баронессой Вороновой не общается. Расстались?

— Это не повод быть демонстративно невежливым!

— А молодой камер-юнкер не отходит от графини Астаховой…

— Вряд ли она ответит, граф с нее глаз не спускает.

Дама расхохоталась:

— Ну, при желании такую помеху обходят легко!

Подошла Бетси.

— Как Вам у нас, Анна Аркадьевна?

— Необычно и интересно, еще раз спасибо за приглашение.

— Пойдемте, пообщаемся с другими тоже.

Перешли к другой группе.

— Что обсуждаем?

— Модную книгу. Ужасно пикантно, на грани, но не могла оторваться!

— Я же говорила…

Бетси с Анной отошли.

— О какой книге речь?

— «Золотой осел», перевод с античного, тут она из рук в руки переходит, редкость. Она сейчас у меня, специально для Вас придержала

— Спасибо, Вы так любезны.

— Только мужу лучше о ней не знать.

— А что там такого!?

— Начнете, сами решите…

…Анна не знала, что муж из довольно обширной библиотеки удалил все книги с откровениями о сексуальной стороне жизни и о соитии смогла почерпнуть лишь скудные сведения, а тут такое!! Уже с первых страниц зачитанной чуть не до дыр книги она поняла: Алексей Александрович не должен ее увидеть!

«… Луций во власти необузданного и уже мучительного желания, приоткрыл одежду и показал Фотиде, с каким нетерпением жаждет он любви… Она медленно опускается над ним на корточки; часто приседая и волнуя гибкую спину свою сладострастными движениями…»

Она услышала шаги и поспешно задвинула книгу под подушку.

…Анна возвратила Бетси книгу.

— Какие впечатления?

— Ну… откровенно уж очень.

— Не понравилось, значит, читать про интимную жизнь?

Бетси пытливо всмотрелась ей в лицо. Анна стеснялась признаться, что читала взахлеб, но и выглядеть святошей в ее глазах совсем не хотела.

— И фантазии всё… Матрона с ослом, придумают же такое…

«Именно интимные сцены тебя и зацепили, дорогая!», — подумала Бетси. Вслух предложила:

— Я дам другую, там не фантазии. Не против?

— Нет. Бетси, спрошу прямо. Я чувствую Ваше желание сделать мне приятное и ценю это. Но почему?

— Отвечу тоже прямо. Все, кого Вы здесь видите, мне симпатичны, но близких нет. Почему-то мне кажется, что мы с Вами можем ими стать. Не хотели бы?

— Буду рада.

Они приложись щеками.

***

…Вторая книга была про оргии в древнем Риме…

«…Флавий возлег на медвежью шкуру. Его фаллос был уже готов к подвигам и призывно покачивался, почти достигая пупка…»

Анна оторвалась от чтения. Мужские гениталии она видела только у скульптур и недоумевала: даже у Геракла «он» был явно скромнее, чем у мужа, хотя сравнивать могла только по ощущению — «вживую» мужнин не видела. Но такой, как у Флавия! Она попыталась представить его «в действии», ужаснулась и …сочла одним из тех самых книжных гротесков. Успокоилась и продолжила.

«…Златовласая рабыня из варваров выбралась из латрума. Обтерлась, присела над ним и медленно впустила в огнедышащее жерло своего вулкана, вызвав страстный стон его хозяина..»

Анна захлопнула книгу. Лицо пылало, сердце колотилось. Она попробовала вообразить в ее позе себя на муже: не смогла:

«Практически как с ослом Луцием! Тоже фантазии…».

Читает дальше.

Подошел Марий, встал над приятелем вплотную к ее лицу. Она взялась за его фаллос, и он был для нее как вкуснейший леденец с орехами и медом, осыпанный семечками кунжута. Она наслаждалась им и слышала уже и стон Мария…»

При попытке «увидеть» себя в этой позе с мужем Анну чуть не стошнило…

Книгу она прочитала за ночь и проспала завтрак. Днем перелистала, останавливаясь на эротических эпизодах.

«В основном все повторяется и уже не так возбуждает. А зачем Бетси мне книги так настоятельно подсовывала?..»

Анна признала факт: читать о позах и страстях было грешно, но… притягательно! Стала представлять в них светских дам из салона и будто вскрывала скрытую от глаз часть их жизни…

Она спрятала книгу, зевнула и заснула.

***

Анна с Бетси прохаживались по балкону над залом.

— Бетси, хочу знать наперед: мы будем откровенны друг с другом?

— Я смогу. А почему спрашиваешь?

Они остановились.

— Эти эротические книги. Ты ведь не случайно мне их дала?

Бетси прислонилась к балюстраде. Задумалась, будто собираясь с мыслями..

— Не случайно. Скажи, ты ведь знаешь, что говорят обо мне и Тушкевиче?

— Да.

— Это правда, но, как говорится, «свечку никто не держал».

— А это важно?

— Важнее всего. Делаешь вид, что это только слухи и как бы тишь да гладь!

— Ты влюблена в Тушкевича?

— Милая Анна! Ни я не влюблена в Тверского, ни он в меня. Но главнее то, что сейчас я имею нужное мне: и штиль

в семье и взаимную страсть. Князь, кстати, тоже не скучает. Его любовница — жена пароходчика Савельева, урожденная графиня Долгих.

— А книги?

Бетси спросила после секундной паузы:

— Анна, ты счастлива? Только откровенно.

Анна молчала.

— Понимаю. «Он порядочный, заботливый, добрый». А страсть между вами есть?! Не забывай, мы договорились и это сугубо между нами.

— А почему думаешь, что нет? Я всем довольна с мужем.

Бетси улыбнулась.

— Но если страсти нет, то рано или поздно появится и твой Тушкевич. И лучше не зачахнуть, так и не познав радости страстного соития. Вот я и хотела тебя разбудить. Потому что лучше сделать ошибку и потом сожалеть, чем мучиться всю жизнь от того, что ее не сделала.

Она взяла Анну под руку, засмеялась.

— Ну, а если ты счастлива с мужем во всех смыслах, то и слава богу, и никакие книги твое счастье не нарушат…

Анна ехала домой, была встревожена.

«Да, у нас с Алексеем Александровичем нет страсти, как в книгах, но и не влекло ни к кому другому!»

Она отогнала эти мысли и стала думать о предстоящей поездке в Москву.

***

Вокзал в Москве. На перроне Вронский и Степан Облонский.

— А ты кого встречаешь?

— Я? я хорошенькую женщину, сестру Анну.

— Ах, это Каренину…

Поезд остановился и Вронский поднялся в вагон. У двери купе пропустил выходящую Анну, вежливо кивнул. Протискиваясь, она встретилась с ним глаза в глаза. *В выражении ее миловидного лица было что-то особенно ласковое и нежное, свет в глазах светится против ее воли в чуть заметной улыбке.* Он проводил ее взглядом, захотел еще раз увидеть ее лицо. И в конце прохода она оглянулась!

Их обоих «зацепило», но они об этом даже не подозревали…

В купе Вронский обнял мать.

— Как доехала?

— Отлично, спасибо попутчице, проговорили всю дорогу. Я от нее в восторге.

— Я ее видел у Бетси. И о чем же говорили?

— Обо всем, в основном о семейном. Я о семье твоего брата, твоей карьере, она о своей семье, о сыне, очень дружна с ним.

Вышли. Анна с братом несколько впереди. У кареты она обернулась, явно выискивая его взглядом. Он улыбнулся ей, в карете спросил мать.

— А что Каренина говорила о муже?

— Безмерно уважает. Он ходячая добродетель, нас знакомили, еще до нее.

Она лукаво улыбнулась.

— А почему спрашиваешь, не интрижку ли надумал?

— А ты не одобришь?

— С каких это пор я бываю против! Наоборот, престижная была бы связь, на пользу положению в «свете». Да и ей встряска не помешает.

Смеются.

***

Долли рассказывала о связи мужа с гувернанткой.

— Мне противно видеть его рядом с детьми!

Анна взяла ее за руки.

— Дети Стиву обожают. И он любит и уважает только тебя, просто слаб бороться с соблазнами. Он страшно переживает, себя без семьи не представляет. Вот меня позвал. Прости его, Долли.

— А ты бы простила?

— Да, но мне не придется. Алексей Александрович другой, сильный.

— Я уверена, пройдет время и он опять сорвется.

— Думаю, что нет. Но даже если так, то семья превыше всего. Прости его еще раз, не пожалеешь!

Помолчали.

— Сейчас все мысли о помолвке сестры с графом Вронским. Послезавтра бал. Кити очень переживает, влюблена в

него.

— А он?

— Наверное. Не зря же маман приехала.

У Анны по лицу пробежала тень.

…Она у окна. Снег. Перед глазами его мимолетная улыбка, взгляд из-под козырька.

Он у окна. Перед глазами ее такие притягательные румяные губы, светящиеся глаза…

Бал. Весь вечер они или самозабвенно танцевали в паре, или выискивали друг друга взглядами.

Каждый раз, как он говорил с Анной, в глазах ее вспыхивал радостный блеск. Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему.

Она задумывалась, и он становился серьезен…

Только близко к концу ее взгляд натолкнулся на смотрящую на нее с детской обидой потухшую Кити. Тут только она заметила направленные на нее осуждающие взгляды, будто проснулась и быстро покинула зал.

***

Анна и Аннушка были одни в купе.

«Ну, все кончено, и слава богу!… Увижу Сережу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому…»

В Бологом она вышла освежиться. Была приятно удивлена, увидев Вронского, но сказала то, что приличествовало.

— Вы едете? Разве не должны быть при Кити!

— Я еду для того, чтобы быть там, где Вы, — сказал он, — я не могу иначе…

— Неприлично так говорить. Забудьте и я забуду.

Она чувством поняла, что этот минутный разговор страшно сблизил их; и была испугана и счастлива этим. Неожиданная нотка смятения усиливалась поднявшейся вьюгой.

Она вернулась в вагон. Аннушка дремала. Анна укрылась пледом и прикрыла глаза. Разговор не оставил сомнений: он признался в любви, а значит, хочет быть ее любовником!

«Это исключено, но…»

Она перебирала в мыслях все моменты общения с ним и погрузилась в сладостную дрему**:** представила Вронского на себе, ласкающего ее своим преданным, восторженным взором! Она ощутила позывы «внизу» и непроизвольно просунула руку под юбки, под белье…

Анна проснулась: ее тормошила Аннушка:

— Анна Аркадьевна, простите, но Вы так стонете!

Она ужаснулась: хорошо, что руки были под пледом! Она почувствовала презрение к себе, встряхнулась.

— Дурной сон, Аннушка.

…В Петербурге на вокзале ее встречал муж. *Какое-то неприятное чувство щемило ей сердце.*

«Ах, боже мой! отчего у него стали такие уши?»

Вронский тоже увидел ее мужа и возмутился: была невыносима мысль, что она улыбалась не ему!!

***

Раздевшись, она вошла в спальню, но на лице ее не было того оживления, которое в Москве так и брызгало из ее глаз…

— Я соскучился по моей любимой и за терпение заслуживаю вознаграждение! Как считает она?

Анна тревожилась за свое поведение после Бологого. Но обошлось и даже были свои плюсы: закрыла глаза и опять представила на месте мужа Вронского, его лицо вблизи своего…

Новые ощущения были настолько сильными, что это непроизвольно отразилось на поведении при соитии и …она неожиданно для себя впервые ощутила восхитительный апогей!

«Это и есть та самая бурная страсть, которая назывался „оргазм“? Потому что я в мыслях была с НИМ?!».

Она не думала, что Алексей Александрович это может заметить, она вообще в этот момент думать была не способна. Но он заметил и неожиданно впервые поцеловал в губы «после». Это новое в их интиме было Анне почему-то неприятно…

***

Петербургский высший круг, собственно, один; все знают друг друга… Вронский был везде, где встречал Анну, говорил ей о своей любви, наплевав на алчущие сплетен взгляды. Он знал, что в глазах светских людей роль человека, пристав-

шего к замужней женщине, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, никогда не может быть смешна.

Бетси наблюдала за братом. Он впервые здесь после Москвы, прохаживался по салону, ни с кем подолгу не заговаривая, но и не уходил. Подошла.

— Что с тобой, Алекс? Ты кого-то ждешь?

— Каренина будет?

— Да. А что у тебя к ней, неужели нацелился?

Вронский помедлил, потом решился:

— Это другое, Бет, не интрижка. Я люблю ее.

— Когда успел! А она?

— Уверен, что и ее влечет ко мне.

— Так в чем проблема?

— Она не обычная, не может решиться, хотя муж староват для нее…

— Все мы необычные… поначалу. Не особенно церемонься, братец, она жаждет африканских страстей!

— Почему так думаешь**!?**

— Имела возможность догадаться.

Она рассмеялась:

— А как я вспоминаю ваши насмешки! Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый!

Он *с гордою и веселою улыбкой* посмотрел на кузину**.**

— И что? Надеюсь дать повод всем облизывающимся лопнуть от зависти!

Вошла Анна. Он бросился к ней.

— Анна, я люблю Вас безумной любовью! Все мысли о том, как бы оказаться подле Вас. Никакие доводы не могут это чувство изгнать из моего сердца!

— *Это очень дурно, то что Вы говорите*. Заставляете думать с осуждением Вашего эгоизма. Слышали, что Кити заболела? Вам следует навестить ее.

При этом на лице Анны ни на мгновение не появилось выражение осуждения.

— Нет. Я честен с Вами и буду честен с ней, не хочу дать ей ложную надежду.

— А вовлекать меня в греховные отношения честно?! Зная, что я на это не пойду никогда.

— Разве любить грех?! Послушайте свое сердце, все в Ваших руках, а я в любом случае Ваш, счастливый ли или несчастный!

***

Вот уже недели две, как она вернулась из Москвы и каждый раз при интиме с мужем она в мыслях была с этим *«мальчиком-офицером», как она подумала о нем поначалу, пытаясь отдалить себя от него.* И каждый раз испытывала оргазм!!

…Очередное соитие. «После» Алексей Александрович впервые не отвалился на свою половину, а привстал рядом, опираясь на локоть.

— Анна, ты можешь объяснить, что с тобой происходит?

— А что ты имеешь в виду?

— Я заметил, что ты стала м-м… эмоциональнее при coitus. Я на вершине счастья, но так у нас впервые. Как ты это объяснишь?

Анна смотрела в его излучающие высшую степень ласки и одновременно внимательные глаза и готова была провалиться сквозь землю… Но что ей было сказать?!

— Не знаю, милый, само собой как-то…

— Я даже подумал, не захотела ли ты зачать?

Он смущенно и как-то жалостливо улыбнулся.

— Нет, не поэтому. Но я не против… если на то будет божья воля.

Алексей Александрович был счастлив!

— В нашем кругу только у нас один сын…

У нее сразу испортилось настроение:

«Ну, да… главное круг…»

Он опять поцеловал жену в губы:

— Спокойной ночи любимая.

— Спокойной ночи.

…Муж уснул, а Анна еще долго не могла разобраться в душе.

Ей было стыдно при виде его счастливого лица. Она второй раз по крупному лгала ему. Первый раз, когда долго не беременела после сына несмотря на усердие мужа и сказала ему, что не получается. Они ездили на воды, в святые места, ставили свечки в храмах…

На самом деле Анна не хотела рожать чуть ли не каждый

год как Долли и принимала снадобье от знахарки, втайне переданное той же Долли. Через два года она решилась зачать, но уже и вправду не смогла и с легким сердцем забыла о предохранении…

И вот второй раз лгала сегодня! Ее повергла в изумление та легкость, с которой она, оказывается, умеет лгать!

«Что эта страсть означила? А то, что я изменяю мужу! Мысленно, но имею sex с другим и получаю удовольствие! Грязное притворство!..

А если бы ЭТО, допустим, случилось, то я буду с обоими!!? Муж не будет знать, а любовник с этим смирится!?. А если муж узнает и закроет глаза?.. Жизнь во лжи! Как Бетси и многие другие!»

Анна застонала.

«При встрече скажу, что должно».

***

Она решительно отвела его в сторону:

— Алексей, я должна Вам сказать…

И… *остановила на нем свой взгляд, полный любви.* Он взял ее руки в свои:

— Анна, не говорите ничего. Я вижу и глазами и сердцем: Вы любите меня! Вы можете не признаваться, но это не важно. От судьбы не уйти.

Анна беспомощно слушала.

— Но это безумие! Сейчас за мной должен прийти муж.

— Но Вы же не хотите уходить? Так останьтесь, не маго-

метане же мы, в конце концов!

…Каренин заехал в салон. Его жена сидела с Вронским. *Он подошел и предложил ей ехать вместе домой; но она, не глядя на него, отвечала, что останется ужинать. Он раскланялся и вышел.*

Зайдя домой, он машинально скинул пальто Аннушке, прошел в гостиную, вернулся. Потоптался в полной прострации, прошел в кабинет, встал перед портретом жены на стене над своим столом.

Каренин впервые подумал, что *у нее может быть своя не связанная с ним жизнь.* Он понимал, что жена не получает при близости достаточного удовлетворения, но делал вид, что она смирилась с этим, как многие, и успокоился.

«И вот по прошествии восьми лет у нее регулярный оргазм!»

Теперь он не мог не связать это с появлением на ее орбите поклонника. Об уровне их близости оставалось только догадываться. Возможно, прямо в эту минуту…

Каренин представил: укромный уголок салона, она в объятиях Вронского, целуются!..

Он с усилием изгнал из мыслей эту картину…

На лестницу всходили ее шаги. Ему стало страшно за предстоящее объяснение.

— Анна, я должен предостеречь тебя…

— Потом, потом, так хочется спать!

Он увидел, что глубина ее души, всегда прежде открытая

пред ним, закрыта, и это так и будет вперед…

***

Через день. Анна вернулась домой, прошла в кабинет к мужу.

— Ты из салона, любимая?

— Да.

— Есть что-либо новое?

— Тебя стали интересовать светские новости?

У него на лице ироничная улыбка.

— Просто хочу понять, о чем можно целый вечер говорить, если, конечно, не отлучаться…

— Представь себе, можно.

Она ушла в спальню. Алексей Александрович вошел за ней и обычным своим тоном предложил «исполнять долг»…

Анна в мыслях опять была с Вронским. Она заметила, что муж стал желать соития чаще, настаивал. И происходило это как правило после посещения ею салона. То есть, после встречи с Вронским!

«Догадывается и будто предъявляет свои права?»

Это была, конечно, не случайность. Каренин в салоне больше не появлялся, но уже не сомневался в… не совсем невинных отношениях жены с Вронским, да и сестра приятеля княгиня Мягкая намекнула.

Он отгонял мысли об измене, но, не признаваясь себе в этом, мстил им, как если бы измена была. Поэтому и требовал интима с женой именно сразу после их встреч, когда ей

будет особенно неприятно. Ему было страшно обидно: как же он был смешон, приписав ее недавнюю страсть чувством к себе.

«В чем конкретная причина ее страстности при соитии? То ли она удержалась от измены и старается загладить вину, то ли хочет таким нехитрым способом измену скрыть?! А может, и не было ничего, и это новый этап в ее физиологии?..»

Анну картины интима с Вронским преследовали всякий раз, как она не была занята: он над ней, или наоборот. Другие позы из тех книг не привлекали. Поведение мужа в последнее время ее злило и она уже не хотела с ним близости даже ради, как сказали бы в наше время, «виртуального» соития с Вронским…

Мощный сексуальный посыл от оказавшегося рядом полкового ловеласа упал на благодатную почву. *Началась новая жизнь для Алексея Александровича и для его жены. Ничего особенного не случилось. Анна, как всегда, ездила в свет и встречалась везде с Вронским. Он видел это, но ничего не мог сделать…*

***

Анне стало казаться, что в салоне взгляды всех устремлены на нее с Вронским. Будто их интересует одно: когда она оступится и как они будут смаковать ее падение! Бетси же на правах подруги сообщала что-нибудь о нем, даже когда она не спрашивала. Это было настолько назойливо, что ее

насторожило:

«Чего он ищет во мне? Любви не столько, сколько удовлетворения тщеславия?».

Анна возмутилась: неужели она уже настолько готова стать прелюбодейкой, что не способна прекратить выставленный на всеобщее обозрение флирт!? Она решила не доставлять салону такой радости.

«Прервать, пока не поздно!».

Она оставила Бетси записку и ушла, не дождавшись его:

«Извините, Алексей, но я решила прекратить наши объяснения на тему любви до того времени, когда определюсь, как далеко они могут зайти. Настоятельно прошу меня не преследовать. Анна».

…Она продолжала бывать в салоне, гораздо реже. Вронский делал попытки объясниться, но она никогда не оставалась с ним одна.

…Прихожая. Аннушка приняла у хозяина пальто.

— Анна Аркадьевна дома?

— Два часа как ушли.

Каренин, забыв о служанке, унесся мыслями в салон…

Спохватился:

— Сережа ужинал?

— Пока нет. Простите великодушно, но решила не кормить в одиночестве.

— Приведи в кабинет и принеси ужин туда

Ужиная, говорил с сыном на обычные темы чисто меха-

нически…

Служанка увела сына ко сну. Каренин застыл в раздумье. *Он стоял пред возможностью любви в его жене к кому-нибудь, кроме его. Как бык, покорно опустив голову, он ждал обуха, который, он чувствовал, был над ним поднят…*

Аннушка приняла шубку у Анны.

— Сережа ужинал?

— Да, с отцом. Спит.

Анна отвела глаза и прошла в кабинет. Муж поднял глаза от бумаг, смотрит выжидающе.

— Я не из салона. Была на ужине у Мягких.

— Хорошо. Это у тебя новое — докладывать? Не обязана.

Она подошла, приобняла. Он поцеловал ее руку.

— Иди спать. Я пока поработаю, милая — много дел.

***

Долго болел Сережа, для восстановления его здоровья Каренин отвез семью в Карлсбад на воды и они вернулись только к лету.

…Три кареты подъехали к даче: семья, прислуга, вещи.

— Сергей, не забудь: не меньше пяти часов на свежем воздухе. Мама проследит.

Супруги прощаются. Чмоканье.

— Буду по пятницам, как обычно. Не скучайте.

— Не беспокойся, и Бетси обещала навещать.

По лицу мужа пробежала тень, Анна прикусила язык…

В дороге Каренин с присущей четкостью подвел итог:

«Больше месяца вместе, секс без прежней легкости, оргазмов уже нет. В целом стало безрадостно и… тревожно».

***

Вечер пятницы. Алексей Александрович на даче. Вошел в спальню, взглянул на жену.

Анна уже лежала с закрытыми глазами.

«Притворяется, все чаще и чаще…»

Он полежал, вздохнул, отвернулся. Анна открыла глаза…

Они лежали отвернувшись, с открытыми глазами. Впервые за все восемь лет! Знали, что каждый об этом знает. Думали об одном и том же.

«Я ей стал физически неприятен. Это не проходит…»

«Мне стали неприятны его прикосновения… Как же дальше?!»

Несмотря на нормальный по общепринятым меркам секс плотское влечение к мужу у Анны так и не пробудилась. Тему затрагивать они инстинктивно отказались, чувствуя угрозу установившейся между ними привязанности или даже искренней любви, правда, сродни отеческой.

Со временем беспокойство притупилось. У него — от безмятежного течения жизни и убежденности в непререкаемом приоритете чувства долга над всеми остальными. У нее — еще и от ощущения всегда исходящей от него бесконечной доброты и от отсутствия признаков неравнодушия к кому-либо еще у себя. И оба сочли этот изъян в интимных отношениях несущественным…

Но сегодня оба синхронно отметили, что, кроме бесстрастных приобниманий и поцелуев «чмоки» при ежедневных проводах и встречах с работы, она уже давно не приникала к нему! Раньше в минуты переполнявшей радости или грусти или нахлынувшем желании почувствовать абсолютную защищенность она часто могла даже примоститься у него на коленях…

Оба пришли к примерно одному и тому же выводу.

«Как стремительно он стал чужим! Безвозвратно чужим?..»

«Она уже изменяет мне в мыслях… Неужели уже не только!?»

…Войдя в спальню следующим вечером, он сразу спросил:

— Не спишь, милая?

— Нет.

— Тогда, надеюсь, мне сегодня перепадет счастье насладится благосклонностью супруги?

— Она давно усвоила свои обязанности, дорогой.

Анна уже знала: чтобы секс не превратился из терпимого действа в неприятное, лучше сначала расслабиться и сразу, как услышала его шаги, закрыла глаза, «вызвала» Вронского и стала ласкать себя «там»…

Потом уже стала смелее отказывать ему, ссылаясь то на усталость, то на недомогание. Он делал вид, что поверил, но об «исполнении долга» привычных пару раз в неделю был

вынужден забыть, а она приноровилась получать оргазм от воображаемого соития с Вронским известным способом и без «участия» мужа…

«Мечта счастия»

К Анне наведывалась Бетси, делилась новостями. О Вронском не заговаривала, но однажды испытующе взглянула на нее:

— Не хочешь узнать, что с Алексом?

Анна испугалась, схватила подругу за руку:

— Что с ним!?

Бетси лукаво засмеялась.

— Успокойся, здоров, но сам не свой. А ты?

Анна погрустнела.

— Не знаю, мне плохо сейчас, но то ли ему нужно, что и мне!?

— А ты отдайся… «на волю волн» и веди себя, как все. По ходу и поймешь…

Анна сидела на веранде до темноты. Мысль была одна:

«Я не хочу себе лгать, я хочу быть с ним, но смогу ли, „как все“? А если не смогу, то как быть?!»

***

Подошел июль. Анна услышала звуки подъехавшей кареты, выглянула в окно… и заметалась по комнате: у кареты стоял Вронский, подавая руку сходившей Бетси. Она бросилась к зеркалу, что-то лихорадочно поправила в прическе, на платье, вышла к ним.

— Я не ждала…

— Анна, я на два месяца буду в лагере под Ржевом и не мог уехать, не увидев Вас!

В ней все пело. Она смотрела на него сияющими глазами и ни о чем не могла думать. Рядом были Сережа, Аннушка, гувернантка, а она смотрела на его лицо и не могла оторвать глаз…

Опомнилась:

— Пройдемте. Аннушка, кофию, будь добра!

Поговорили о пустяках. Бетси поднялась.

— Сережа, я тебе принесла английский мяч, он так высоко скачет. Пойдем, испробуем.

Они прошли в сад. Он взял ее под руку, повел вглубь.

— Анна, что Вы со мной сделали, моя недоступная любовь! Я не живу, я только думаю о вас, мечтаю о Вас. Дерзаю и представляю Вас со мной.

— Алексей, я впервые признаюсь, что мне Вас не доставало. Но думали ли Вы о последствиях тех отношений, о которых говорите?

Он остановился и повернулся к ней, взял за руку:

— Нет, и не буду. Потому что знаю, что мы будем вместе, что Вы этого тоже хотите, а остальное не важно!

Она утонула в его восхищенных глазах и говорила только чтобы говорить.

— Не говорите так. Такое безрассудство может быть пагубно для меня, Вас это не смущает?

— Пагубно!? Пагубно отказываться от счастья, посланно-

го судьбой!

Она почувствовала, что сейчас бросится к нему в объятия и вопьется в эти губы и… увидела у него за спиной смотревшего на них садовника. Она заставила себя убрать руку.

— Нет, Алексей, я не готова, простите…

— Что бы Вы ни решили, я буду у Ваших ног и буду ждать хоть всю жизнь!

…В карете Бетси о чем-то спрашивает, но в мыслях Вронского только Анна: ее глаза, улыбка, вот она говорит, вот смеется! А вот она нагая, распахивается перед ним, над ним ее восхитительная грудь, под его руками ее роскошные ягодицы…

Бетси его тормошит, он возвращается в реальность.

— Что-то я тебя не узнаю, граф Вронский! Я о зрелых дамах знаю все, в своих мыслях она уже твоя любовница, а ты не делаешь последние полшага!

— Я не могу с ней, как с другими, Бет, впервые мне женщина дорога, я впервые представляю с ней жизнь. И она будет моей!

Он постоянно хотел ее видеть! Он действительно страстно ее любил…

***

Сентябрь. Анна снова стала бывать в салоне Бетси. Она призналась Вронскому, что приходит в салон только ради встречи с ним, но не позволит себе переступить грань, за которой ее ожидает неизвестность с большой вероятностью ка-

тастрофы.

— Анна, любимая, такая любовь, как у нас, преодолеет любые трудности и оттягивать полное соединение наших жизней, значит насильно сопротивляться предначертанному судьбой!

Анна слушала эти слова как самую сладостную мелодию и чувствовала, что готова сделать последний шаг, достаточно слабого толчка. Она счастливо улыбалась, но заставила себя сказать:

— А Вы уверены, что знаете, что делать после известного рубикона?

— Да, любимая! Счастливо жить вместе до самой смерти!

…Где-то в октябре придя в салон она сразу с тревогой увидела бегущего к ней Вронского с расстроенным, почти плачущим лицом.

— Что случилось, Алексей!

— Анна, меня прямо сейчас ждут на императорском флагмане. Я включен в свиту Великого Князя, он отправляется в кругосветку с визитами в монаршие дворы!

— Это надолго?

— К зиме должны вернуться, точнее, до их рождества…

У нее отлегло от сердца.

— Уф-ф! Как Вы меня напугали! А говорили «преодолеем любые трудности».

— Я писать смогу только из столиц! Бетси передаст.

— Буду ждать…

Она взяла его за руку:

— И писем и… Вас.

Анна ждала письма от Вронского как свидания…

***

Январь. Анна с Бетси на балконе и еще одной без умолку трещащей дамой. Она не слушала: сегодня возвращался Вронский! Унеслась мыслями в картины близости с ним. Желанной, реальной! Видела его обещающие губы, его влюбленные глаза над ней!!..

Он вошел в салон и сразу взбежал к ним. Дама их покинула, пряча ухмылку. Он взял Анну за руки, не мог отвести глаз.

— Я снова Вас вижу, я счастлив!

— И я безмерно рада. Расспрашивать не буду, все знаю из писем. Просто побудем рядом.

Бетси «со значением» обратилась к брату.

— Я тебя ищу. Вчера вместе с письмом от твоей маман мне взяла у курьера и твое. Оно на твоем комоде.

Бетси бросила на Вронского взгляд, о котором Анна вспомнила много позже, и оставила их вдвоем. Анна шутливо осведомилась:

— Вы держите здесь комод?

Он повернулся к ней.

— Да. У сестры есть комната для меня, я остаюсь здесь иногда. Помнится, Вы упрекали меня, что совсем не знаете, как я живу, когда не с Вами. Хотите взглянуть?

Они взглянули друг другу в глаза. Ее обдало жаром: не предложение ли это было перейти ту самую грань? Секундная пауза и она, выдохнув, произнесла:

— Любопытно…

— Пройдемте.

Вронский открыл дверь своим ключом, пропустил ее вперед. Не сводившая с них глаз Бетси ухмыльнулась и прикурила пахитоску…

***

Алексей Александрович ходил по кабинету, бросая взгляды на часы: поздно, а жены нет дома.

«Зачастила в салон. Ждет, не дождется его возвращения! Сегодня Великий Князь вернулся…»

Опять представил, как жена воркует с Вронским в укромном уголке. Вдруг резко остановился.

«А может, уже и не в салоне?!»

В сознании сценка: «Извозчик, дверца раскрыта. Подбегает Анна, воровато оглядывается. Хватает протянутую руку Вронского и заскакивает внутрь. Карета трогается…»

Каренин старается отогнать картину, но тщетно — ее заменяет подобная! Он опирается на подоконник и невидяще смотрит в окно…

…Салон. В комнате довольно светло от уличных фонарей. Вронский запирает дверь на ключ. Они впервые наедине! Анной овладевает предчувствие катастрофы, у нее сумбур мыслей, но ни одну не получается удержать.

После обмена взглядами с сестрой Вронский во власти лишь одной мысли: сегодня он получит то, что было *целый год исключительно одним желанием его жизни,* и вознаградит себя неимоверным наслаждением! В отличие от Анны он полностью владел собой, решительно ее развернул, привлек к себе и впился поцелуем в губы!!

Она много раз мысленно его целовала, представляла себя в близости с ним, но при первом же реальном объятии поняла, что все меркнет в сравнении с ВПЕРВЫЕ в жизни затопившей ее жаждой ощутить в себе плоть мужчины! Этого мужчины!!..

Коснувшись первой же пуговицы, Вронский видит ее растерянность на грани паники. Несмотря на молодость, он достаточно опытен, чтобы понять: она не раздевалась даже перед мужем! Решает «ковать, пока горячо» и не тратит время на миллион крючков: приседает перед ней, просовывает руки под платье и рывком стягивает нижнее белье. На ее лице страх, почти ужас:

— Ах!.. Что Вы себе позв…

Вронский молча подхватывает ее, относит к кровати и укладывает прямо в ботинках, быстро сбрасывает с себя все. Видит, как она, жадно обежав взглядом его обнаженное тело, с трудом отрывает глаза от его нацелившегося ввысь «орудия»!

«Бог ты мой, да она хотя бы мужа голым видела?»

Он заводит платье и корсет выше талии и касается там гу-

бами, обнажает из декольте грудь, ласкает, целует! Анна проваливается в омут желания, притягивает его на себя, ощущает ищущие касания «внизу» и… с колотящимся сердцем впускает! Он врывается как олень, вспарывающий самку, добытую победой в жестоком поединке!..

…Кабинет. Что-то заставляет Каренина резко повернуться и вскинуть глаза на портрет сидящей вполоборота жены. Он «видит», как кривится уголок ее губ в будто извиняющейся, но… холодной усмешке! Мотает головой, отгоняя наваждение…

…Салон. Она выпадает из реальности в первый же миг соития, а со следующего сплетается с ним в исступленнном совокуплении. Первый в жизни настоящий оргазм, потом еще и еще!

Апогей, ее нечеловечий крик и она на миг теряет сознание…

…Анна медленно выплывала из поглотившей ее неги. Свершилась о*бворожительная мечта счастия! Но было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценой стыда!*

Она села. *Бледный, он стоял над нею и умолял успокоиться.* Понял, что из этого состояния ее выведет только одно: ощущение, что она любима. Он посадил ее к себе на колени, стал нежно целовать лицо, волосы, плечи, оглаживал тело:

— Все будет хорошо, мое сокровище. Мы любим и это главное. Ничто не в силах нас разлучить, а значит, мы будем

счастливы!

Он был в этом абсолютно и искренне уверен! Его вновь охватило желание, он привлек ее к себе. Она прижалась к его нагой груди и… впервые коснулась тела мужчины губами! Ощутила «восстание» под собой и в голове осталась одна мысль:

«Хочу еще и еще!».

Он уложил ее, стал сноровисто раздевать: ботинки, платье…

Оба с диким вожделением пожирали глазами наготу друг друга в предвкушении упоительного слияния. Полное обнажение было для нее ВПЕРВЫЕ, но Анна этого даже не заметила — была заворожена видом уже «готового к схватке» мужчины, всецело принадлежавшего ей мужчины!

…Наконец, Вронский стянул пояс с чулками и нырнул в ее объятия! В этот раз он входил бережно, под аккомпанемент ее протяжного стона с выражением безбрежного удовольствия на лице!..

Анна не отрывала глаз от его лица, пила любовь из его глаз, жадно оглаживала его тело, вжималась, словно боясь выпустить из себя! По его исказившемуся лицу почувствовала завершение и бешено задвигалась…

В себя пришли не скоро. Пресыщенный дамским вниманием Вронский изумленно чувствовал впервые переполнявшее его какое-то особенное наслаждение! Он хотел поделиться с ней своими ощущениями, но *Анна встала и от-*

странилась от него. Она не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса пред этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом. Торопливо оделась…

Они порознь вышли из комнаты, но внизу сидела одна Бетси с пахитоской.

— Я припозднилась, до свидания, Бетси.

— До свидания, милая.

…Усадив Анну в карету, Вронский вернулся. Сестра довольно улыбалась.

— Какое длинное письмо… Прочитал?

— Она чудо, Бет!

— Рада за тебя, но чудес не бывает, голову не теряй.

Он ее не слышал, впервые после близости с женщиной ощущал не только море удовольствия, а бесконечное счастье!..

***

Анна с замиранием сердца вошла в переднюю. Муж ее ждал и она ответила на немой вопрос:

— Были новые знакомые Бетси, ты их не знаешь. Пришлось немного задержаться. Я пойду лягу…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.